5. *Din Czin'guan*. Mezhdunarodnaja jekologichekaja diplomatija. Pekin: Izd-vo social'nyh nauk Kitaja, 2007.
6. *Kolpakova T. V*. Kitajskaja «ekologicheskaja diplomatija» i formirovanie mezhdunarodnogo mehanizma ohrany okruzhajushchej sredy // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. № 123. S. 68–74.
7. *Li Lin*. Issledovanie jekologicheskoj diplomatii Kitaja: Magisterskaja dissertatsija. Vostochno-severnyj pedagogicheskij universitet, 2005.
8. *Lu Cze*. Ohrana okruzhajushchej sredy v Kitae i kitajskaja ekologicheskaja diplomatija // Naselenie, resurs i okruzhajushchaja sreda Kitaja, 2003. № 5. S. 11–15.
9. «Ohrana okruzhajutsej sredy v Kitae 1996–2005». Belaja kniga, opublikovana Press-kanceljariej Gossoveta KNR, 2006.
10. *Huan Cjuan'shjen*. Vvedenie ekologicheskoj diplomatii. Pekin: Izd-vo ekologicheskih nauk Kitaja, 2008.
11. *Chzhan Hajbin*. Praktika i dejstvie ekologicheskoj diplomatii Kitaja // Mezhdunarodnaja politika. 1998. № 3. S. 38–44.
12. *Chzhan Hajbin'*. Razvitie ekologicheskoj diplomatii Kitaja// Mirovaja jekonomika i politika. 1998. №11. S. 12–15.

Г. Л. Гуринский

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье раскрываются различные подходы к оценке взаимосвязи между социально-экономическим развитием и политической демократией. Дается анализ теоретической аргументации и эмпирическим свидетельствам, касающимся теории модернизации. В отличие от исследований, в которых доминирует подход с позиций элит, в данной статье основное внимание уделено структурным и социетальным условиям, способствующим демократии, особенно в социально-экономической сфере.

Ключевые слова: модернизация, социально-экономическое развитие, демократия, политический режим, неравенство, средний класс.

G. Gurinsky

MODERNIZATION AND DEMOCRACY: THEORIES AND EVIDENCE

The article analyses different approaches to the relation between socio-economic development and political democracy. It reviews theoretical arguments and empirical evidence concerning modernization theory. Contrary to elite-oriented (sometimes called agency) approaches to the study of democratization this article is concerned with the structural and societal conditions conducive to democracy, especially in the socio-economic domain.

Keywords: modernization, socio-economic development, democracy, political regime, inequality, middle class.

Одним из наиболее важных вопросов в современной политической науке является вопрос о взаимосвязи между социально-экономическим развитием и политической демократией. Иначе говоря, насколько меньше шансов у бедных стран установить или сохранить у себя демократический политический режим, чем у богатых.

Первым исследователем, раскрывшим теоретическую связь между уровнем раз-

вития определенной страны и ее шансами на демократию, был Сеймур Липсет, который в своей работе «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическое развитие», написанной в 1959 году, утверждал: «Чем выше уровень благосостояния нации, тем большие шансы на обеспечение демократии она имеет» [11, с. 75]. Проведенные им эмпирические сравнительные исследования позволили подтвердить высказанную гипотезу о существовании корреляции между демократией и развитием. Следует, однако, на наш взгляд отметить, что нередко сложные теоретические построения Липсета подаются в упрощенном виде, когда экономическое развитие понимается в узком смысле. Другими словами, все сводится к корреляции между уровнем дохода на душу населения и демократией, в то время как Липсет особо подчеркивал, что «все различные аспекты экономического развития — индустриализация, урбанизация, богатство и образование — настолько тесно связаны между собой, что вместе представляют собой один основной фактор, коррелирующийся с демократией» [12, с. 41]. По Липсету, этот перечень факторов указывает на ***условия***, а не на причины демократии.

В этом контексте становится очевидным, что для выживания какого-либо демократического режима он должен обеспечить свою легитимность в глазах граждан. Это, по мнению Липсета, обычно достигается благодаря успешному экономическому развитию, свидетельствующему об эффективности политической власти. В то же время, опираясь на Маркса, Липсет подчеркивает усиливающуюся роль среднего класса в модернизированном обществе, указывая на соответствующие социальные механизмы. Здесь главную роль, как в социально-политическом, так и в экономическом смысле играет равенство: «Разрыв между доходами профессионалов и полупрофессионалов (…) и рядовых рабочих (…) гораздо значительнее в бедных, чем в развитых странах» [12, с. 49]. Таким образом, модернизация, по мнению Липсета, проявляет себя по большей части через изменения социальных условий, а не посредством формирования демократической культуры. Располагая большим социальным капиталом, прежде всего образованием, и имея выход на более широкую и разнообразную аудиторию (например, в рамках различного рода добровольных ассоциаций), рабочие в развитых странах более склонны к восприятию демократических ценностей толерантности и менее — к идеологиям, враждебным по отношению к существующему политическому режиму [11, с. 84]. Это особенно справедливо по отношению к тем случаям, когда рабочим даны широкие экономические и политические права. В принципе, модернизация способствует восприятию тех норм и ценностей, которые смягчают конфликты, наказывают экстремистские группы и вознаграждают умеренные демократические партии [11, с. 83–84].

С этой точки зрения, в первую очередь перераспределение и гражданство препятствуют революционной борьбе рабочих и способствуют установлению экономического равенства, которое делает демократию эффективной: «Общество, разделенное на большую обнищавшую массу и маленькую, находящуюся в выигрышном положении элиту, приведет либо к олигархии <…>, либо к тирании» [11, с. 75].

На микроуровне идеи Липсета в значительной степени базировались на данных Лернера [10], который и идентифицировал урбанизацию, образование и коммуникацию (средства информации) в качестве ключевых факторов в процессе индивидуальной модернизации и политического участия. Лернер указывал на то, что, по мере широкого распространения образования, страх правящей элиты перед тем, что страной будут управлять неуправляемые массы, не способные к принятию решений

на основе информации, снижается. Однако именно Липсет установил взаимозависимость между модернизацией на микроуровне и демократией на макроуровне и провел ее эмпирическую проверку. При этом следует отметить, что Липсет использовал различные критерии для причисления стран к демократическим в зависимости от их географического местоположения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что экономическое развитие — урбанизация, богатство и образование — с точки зрения Липсета, представляет собой одну из важнейших переменных в общем «наборе» условий, благоприятных для демократизации. Однако, поскольку развитие не является однонаправленным, Липсет преднамеренно выбрал для названия своей статьи слово *requisites* (обязательные условия), а не prerequisites (предпосылки) демократии, указывая тем самым корреляционную, а не причинную взаимосвязь между социально-экономическим развитием и демократией, в то время как слово *some* (некоторые) подчеркивает проблематичную, а не детерминистскую природу этой связи. При этом ни одно из отдельно взятых условий не представляется достаточным для демократии.

Из всего набора необходимых условий для развития демократии, выработанных Липсетом, основная переменная, привлекшая наиболее пристальное внимание других исследователей, — это экономическое развитие. Если У. Ростоу [16] рассматривал путь от экономической модернизации к демократии в качестве линейного и неизбежного, то Б. Моор [13] на основе исторического анализа показал, что социально-экономическое развитие, в частности индустриализация, совершенно не обязательно ретранслируются в промежуточные переменные, ведущие к демократии. Моор видит «три пути в современный мир»: либерально-демократический, фашистский и коммунистический, каждый из которых зависит от времени индустриализации и характера социальной структуры в период перехода. По Моору, тип пути выбранной, отдельной, конкретно взятой страны определяется специфическим соотношением пяти факторов: (1) распределение власти среди элит, (2) экономическая основа аграрного высшего класса, (3) классовый состав, (4) распределение власти между классами, а также (5) автономия государства по отношению к господствующему (доминирующему) классу. Однако главным — и в этом позиции Липсета и Моора совпадают — является наличие среднего класса как необходимого условия: «Нет буржуазии, нет демократии» [13 с. 115].

Позднее аналогичная мысль была высказана Д. Руэшмайером [17], который на основе глубокого исторического исследования определил, что класс землевладельцев является главным препятствием на пути демократизации, в то время как организованный класс работников играет значительно более благоприятную роль. Таким образом, насколько индустриализация усиливает рабочий класс и ослабляет класс землевладельцев, настолько она способствует развитию демократии. Совершенно иную точку зрения высказывает Д. Аптер [3], утверждая, что демократия как конечная цель не должна ставиться как задача на промежуточных этапах на всех уровнях модернизации, поскольку она может привести к дестабилизации политического процесса в недостаточно развитых обществах. Аналогично этому С. Хантингтон [7] видит социально-экономическое развитие отличным от политического развития, когда подчеркивает важность политического порядка. В свою очередь, порядок нарушается тогда, когда уровень мобилизации в обществе превышает уровень институционализации. В этом контексте, по Хантингтону, экономическое развитие усиливает темп политической мобилизации, который начинает превышать скорость формирования соответствующих институтов, что мо-

жет привести к нестабильности. Следует, однако, отметить, что впоследствии в своем монументальном труде «Третья волна», опубликованном в 1991 году, он несколько изменил свои взгляды на модернизацию, рассматривая последнюю в качестве одного из факторов, ведущих к демократизации [8].

Проблема соотношения социально-экономического развития и политической демократии нашла свое отражение в огромном количестве эмпирических исследований. Интересно отметить, что среди них есть те, которые как подтверждают, так и опровергают гипотезу Липсета.

В самом общем виде различие в полученных результатах могут быть объяснены пятью основными причинами, на которые частично указали А. Пршеворски и Ф. Лимонжи [14], а также Л. Сирови и А. Инкельс [18].

1. На результаты оказывает влияние выбор стран, включаемых в выборку, а также временной отрезок проведения измерения.

2. Результаты различаются в зависимости от того, проводился анализ лишь кросс-секционных данных или временных кросс-секционных данных. В этом контексте простые кросс-секционные исследования подвергаются вполне справедливой критике, поскольку не дают возможности проследить *изменения*, которые претерпевает политический режим.

3. Выбор индикаторов социально-экономического развития существенным образом влияет на результаты. Так, например, различия могут быть связаны с тем, использован ли такой экономический фактор, как ВВП на душу населения, или более широкие данные, в том числе по таким показателям, как урбанизация или уровень грамотности.

4. Также решающую роль играет отбор и операционализация измерения демократии, особенно лежащая в ее основе сама концептуализация демократии и то, концептуализируется она как бинарный или полихотомический инструмент.

5. Наконец, частично как следствие предшествующего момента, форма предполагаемого взаимодействия влияет на статистические результаты. Другими словами, результаты зависят от того, предполагается линейная или криволинейная зависимость.

Короче говоря, выводы, сделанные на основе эмпирических исследований модернизации, являются предметом серьезной методологической дискуссии и со временем развились новые, более изощренные модели, инструменты измерения и методы анализа. Благодаря этому последние исследования представляются более точными и дают возможность прийти к новым выводам и положениям.

Почти на сорок лет позднее первой публикации работы Липсета американский политолог А. Пршеворски и его коллеги [15; 14] опубликовали серию статей и большую монографию, которые «осветили область политического развития как удар молнии и сразу же изменили пейзаж» [5, с.5 17]. Пршеворски и его коллеги разрушили связь между демократией и развитием, задав важный вопрос: приводит ли развитие к демократии или оно просто помогает сохранить демократию, когда она уже установилась? Они назвали первый вариант ***эндогенной*** версией, а второй — ***экзогенной*** версией демократии.

Используя соответствующий статистический инструментарий для моделирования перехода к демократии и от нее к другим политическим режимам, Пршеворски и его коллеги анализируют большой массив статистических данных за период с 1950 по 1990 годы для 135 стран. Они утверждают, что главная задача заключается в том, чтобы определить «каким образом соответствующие предпосылки для перехода к демократии изменяются с уровнем развития» [15, с. 92]. Оценивая экзогенную теорию, они утверждают, что если она справедлива, то демократии с высоким уровнем ВВП на душу населения должны быть менее склонны к тому, чтобы вер-

нуться обратно к авторитарному правлению. То есть когда страна достигает определенного высокого уровня благосостояния, измеряемого уровнем доли ВВП на душу населения, вероятность перехода ее к авторитарному правлению стремится к нулю. В отличие от этого, как утверждают Пршеворски и его коллеги, если справедлива эндогенная теория, то страны должны достичь определенного уровня развития для того, чтобы переход к демократии стал возможным.

На основе эмпирического анализа Пршеворски и его коллеги утверждают, что справедлива экзогенная теория, а эндогенная — не верна: развитие способствует сохранению демократии, но не делает ее возникновение более вероятным. Ни одна страна с уровнем ВВП на душу населения выше $6055 — уровня Аргентины 1975 года — не вернулась снова к авторитаризму. Ссылаясь на Липсета, они в общем плане говорят о том, что такое положение дел объясняется тем, что благосостояние снижает конфликты перераспределения в обществе «посредством разнообразных социологических механизмов» [15, с. 101], но не уточняют, каким именно образом это происходит. Более того, аналогично Липсету, Пршеворски и его коллеги подчеркивают роль роста, утверждая, что его наличие является почти обязательным для выживания демократии, но это не относится к диктатурам [15, с. 109].Однако, что опять же характерно для их эмпирических исследований, они не предлагают какого-либо теоретического объяснения, почему всё происходит именно так.

Тем не менее, одних экономических факторов недостаточно для того, чтобы определить судьбу демократических и авторитарных режимов. Обнаруживается, что демократии оказываются менее стабильными, во-первых, когда с самого начала они характеризуются высоким уровнем социального неравенства, во-вторых, это неравенство нарастает, в-третьих, когда рабочий класс получает низкий процент прибавочной стоимости в производстве. То же самое относится и к диктатурам: они более уязвимы в условиях высокого уровня социального неравенства, и особенно в тех случаях, когда общий уровень жизни населения низок. Однако эти общие выводы не нужно воспринимать как абсолютно доказанную закономерность, поскольку данные о социальном неравенстве не являются систематизированными и различаются по способам операционализации, особенно для тех стран, которые подверглись трансформации.

Более важным представляется тот факт, что Пршеворски и его коллеги отвергли эндогенную гипотезу, в соответствии с которой экономическое развитие ведет к демократии. По их мнению, демократии побеждают без подобного рода зависимости, наудачу, с равными шансами на всех уровнях развития. Однако остается неясным, благодаря чему Пршеворски и его коллеги пришли к подобному выводу. В рамках анализа, проведенного в их книге, установленный коэффициент уровня экономического развития на самом деле указывает на позитивное и статистически значимое влияние экономического развития на переход к демократии, хотя он и менее значителен, чем для экзогенной версии.

Не случайно К. Буа и С. Стоукс [5] предприняли достаточно удачную попытку показать слабые моменты в исследовании Пршеворски и его коллег. Продемонстрировав очевидную ошибочную интерпретацию установленного коэффициента эндогенной демократизации, они подвергли сомнению справедливость гипотезы, лежащей в основе модели Пршеворски и его коллег: если экзогенная теория справедлива, как они утверждают, страны более склонны ***оставаться*** демократическими на высоких уровнях экономического развития. Таким образом, даже если переход к демократии носит случайный характер на всех уровнях развития, после определенного

периода времени будет оставаться все меньше стран, которым предстоит этот переход, особенно на более высоких уровнях развития.

Вместо этого Буа и Стоукс утверждают, что необходимо всю выборку «отодвинуть назад», в прошлое, до того момента, когда ни одна страна не была демократической. Они делают это следующим образом: сначала анализируют данные за период с 1850 до 1950 года, а затем смешивают свои данные с данными Пршеворски и его коллег, в результате чего охваченным оказывается период 1850–1990-х годов. В результате они показывают, что эндогенный эффект применим не только к периоду 1950–1990-х годов, проанализированному Пршеворски и его коллегами, но и в еще большей степени к периоду до 1950-х годов. Однако из-за существенного различия в опепрационализации переменных этот комбинированный анализ может быть подвергнут сомнению с точки зрения истинности данных.

Свое отношение к выводам Пршеворски и его коллег высказали и другие исследователи. Р. Ингелхарт и К. Велцел [9] также подвергли их критике. Высказав убеждение, что проведение различий между эндогенным и экзогенным переходами не учитывает огромной разницы в стабильности политических режимов, Ингелхарт и Велцел используют собственные данные Пршеворски и его коллег для вычисления соотношения между переходом к демократическому режиму и переходом к авторитарному режиму для различных уровней ВВП на душу населения. Результаты недвусмысленно указывают на то, что это соотношение растет в *геометрической прогрессии* по мере роста ВВП, указывая на возрастающую вероятность перехода к демократии в результате модернизации.

Д.Эпштейн и его коллеги также основывают свою критику Пршеворски и его коллег на их собственном материале, утверждая, что те «ошиблись в своем собственном анализе, оказавшись не в состоянии правильно оценить стандартные погрешности в коэффициентах в марковской модели, и эта ошибка привела их к утверждению, что влияние ВВП на демократизацию незначительно» [6, с. 566]. Если же правильно интерпретировать полученные результаты, то гипотеза об эндогенной модернизации получает определенное подтверждение.

Таким образом, на сегодняшний день те статистические данные, которые мы имеем, подтверждают наличие как экзогенной, так и эндогенной демократизации, тесно связанной с социально-экономическим развитием.

Конечно, статистическая корреляция не играет уж столь существенной роли, если она не подкрепляется теоретическим обоснованием, в достаточной степени убедительно объясняющим взаимозависимость между переменными. Возникает вопрос о том, какой именно фактор социально-экономического развития является ключевым для возникновения и/или стабильности демократического политического режима. Буа и Стоукс считают таким конкретным механизмом для эндогенной демократизации неравенство доходов. По мнению Буа, «демократия вызывается не столько доходом как таковым, сколько другими изменениями, сопутствующими развитию, особенно неравенством доходов» [5, с. 540]. Они достаточно убедительно показывают, что переход к демократии в период, предшествовавший 1950 году, происходил на более низких уровнях ВВП по сравнению с переходом, осуществлявшимся в более поздний период. Они также продемонстрировали, что те страны, которые достигли более высокого уровня равенства по доходам до 1950 года, добились этого выравнивания на более низких уровнях развития, чем страны, сделавшие это в более поздний период. Это, однако, вступает в прямое противоречие с идеями Пршеворски и его коллег, которые утверждали, что авторитарные режимы более подвержены

риску падения (что, естественно, рассматривается в качестве необходимой предпосылки демократизации) при высоком уровне неравенства и, особенно, если оно существуют при общем низком уровне жизни [15, с. 122].

Таким образом, в сегодняшних исследованиях, посвященных демократизации, центральную роль играет именно равенство доходов. При ближайшем рассмотрении это находится вполне в духе интеллектуальной традиции Липсета, поскольку выравнивание доходов на душу населения вкупе с экономическим развитием практически является синонимом роста среднего класса, о важности которого писал Липсет. Другими словами, Буа и Стоукс косвенным образом поддерживают *набор условий демократии* (включая значительный по своему объему средний класс), предложенный Липсетом, однако их интерпретация несколько иная: «По мере развития страны доход начинает распределяться более равномерно. Равенство доходов означает, что механизм перераспределения, который получает демократическую поддержку (то есть поддерживается рядовым избирателем), лишит богатых меньшей части их дохода, чем та, которую одобрил бы рядовой избиратель, если бы распределение дохода было на более высоком уровне неравенства. В результате богатые находят, что демократическая структура налогообложения обходится им дешевле по мере того, как их страна становится богаче, и они демонстрируют большую готовность поддержать демократизацию» [5, с. 539–540]. Это, конечно, является синтезом количественных и качественных исследований зависимости между ВВП и демократией, где «доход на душу населения, как это показано в литературе по модернизации в послевоенный период, выступает в качестве свидетельства более фундаментальных факторов» [5, с. 543].

Буа утверждает, что установление демократии более вероятно тогда, когда она наименее опасна для элит, однако, по мнению Д. Эйсмоглу и Дж. Робинсона [1; 2], опасность революции снизу ведет к тому, что элиты рассматривают демократию как меньшее зло. Точнее говоря, поскольку одна только политика перераспределения не является надежной для того, чтобы избежать подобных угроз, поскольку элиты имеют возможность в будущем в одностороннем порядке отказаться от нее, эти авторы утверждают, что только демократия может служить средством обеспечения приверженности этой политике.

Такое объяснение уходит своими корнями в различие между властью *de jure* и *de facto*: в то время, как первая определяется набором институтов, регулирующих доступ к власти, вторая — является непосредственным производным баланса власти между большими социальными группами — социальными классами. В условиях значительных колебаний во власти *de fact*, средний класс может выступить инициатором выравнивания между властью *de jure* и *de facto*, то есть демократизации. Это происходит тогда, когда открывается окно возможностей, например, в период социального или экономического кризиса или как последствие войны. Демократия, революции или перевороты (наряду со статус кво) — каждый из этих вариантов имеет свою относительную цену. Эта цена, в свою очередь, зависит от общественных и экономических структур, что и лежит в основе анализа соотношения затрат и выгоды. Демократия наиболее вероятна там, где неравенство не является ни слишком большим, ни слишком малым. Причина этого заключается в том, что в первом случае в недемократической стране элитам есть что терять, и, таким образом, они склоняются к подавлению, в то время как во втором случае гражданам особенно не к чему стремиться. Это ведет к главному эмпирически выведенному положению о существовании криволинейных отношений между неравенством и демократией. Однако это стройное умозаключение требует дальнейшей эмпи-

рической проработки. Не случайно Эйсмоглу и Робинсон уклончиво говорят о том, что доступные индикаторы имущественного неравенства — например коэффициент GINI — не может адекватным образом операционализировать их понимание имущественного равенства, поскольку, например, не отражает существующих различий между этническими группами [2, с. 59].

Таким образом, и Буа, и Эйсмоглу с Робинсоном рассматривают потребность в демократии как нечто данное. На самом деле, требование демократии является ключевым вопросом, поскольку речь идет о том, что существующие социально-экономические условия делают демократию сознательным выбором выхода из неопределенности.

На сегодняшний день наиболее важными работами, в которых рассматриваются зависимости между социально-экономическим развитием и культурными предпосылками демократии, являются исследования, проведенные Ингелхартом и Велцелем, которые продолжили традицию, заложенную Алмондом и Вербом. Они непосредственно касаются двух проблем, освещаемых в работах Буа, Эйсмоглу и Робинсона.

Во-первых, Велцел и Ингелхарт [19] критикуют этих авторов за применение слишком узкого определения демократии, поскольку те, главным образом, концентрируют свое внимание на *электоральных*, а не на *эффективных* демократиях. По мнению Буа, Эйсмоглу и Робинсона, основная борьба между массами и элитами ведется по вопросу всеобщего избирательного права, что является обязательным, но недостаточным условием для демократии. Применение более широкой концепции демократии, учитывающей разнообразие политических и гражданских прав и степень, до которой они уважаются элитой, позволит учесть людей и их ориентации, что подтвердит важность культуры для демократизации.

Во-вторых, Буа, Эйсмоглу и Робинсон считают само собой разумеющимся тот факт, что когда достигается определенный уровень неравенства, начинают доминировать массовые продемократические настроения. Другими словами, они ограничивают механизм того, каким образом экономические условия приводят к массовым требованиям демократии, проблемой экономического неравенства и предпочтения политики перераспределения. Тем самым эти авторы даже не рассматривают иных вариантов формирования демократических предпочтений масс. Они также игнорируют возможность того, что массовые предпочтения и ресурсы действий могут систематически меняться со временем или зависеть от того, о какой именно стране с аналогичным уровнем неравенства идет речь. Следовательно, по мнению Велцеля и Инглехарта, результат процесса демократизации ограничивается *реакцией* элит, и модернизация рассматривается только с точки зрения того, каким образом изменяются характер имущественных отношений и распределение доходов. И хотя с исторической точки зрения подобные наблюдения представляют несомненный интерес, они выглядят весьма спорными при оценке третьей волны демократизации. Это особенно касается посткоммунистических стран, где уровень неравенства был на достаточно низком уровне, что, следовательно, должно было порождать весьма слабые требования перераспределения и демократии. В действительности же массовые протесты способствовали разрушению авторитарных режимов, а основное противостояние масс и элиты развертывалось не в плоскости экономических требований, а в сфере политических прав и гражданских свобод. Велцел и Инглехарт [19, с. 136] утверждают: «Основной эффект модернизации заключается не в том, что она делает демократию более приемлемой для элит, а в том, что она наращивает возможности и желание обычных людей бороться за демократические институты».

Таким образом, современная политическая наука убедительно свидетельствует о том, что демократия не наступает случайно. Для того чтобы быть стабильной, она должна идти снизу, поскольку именно социально-экономические условия порождают и поддерживают внешнюю среду, благоприятную для функционирования стабильного и эффективного политического режима.

Таким образом, забота о демократии требует рассматривать социально-экономическое развитие в качестве важнейшей цели государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Acemoglu D*. and *Robinson J.* A Theory of Political Transitions // American Economic Review. 2001. №. 91. P. 938–963.

2. *Acemoglu D*. and *Robinson J*. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Cambridge University Press, 2005. 432 p.

3. *Apter D*. The Politics of Modernization. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 397 p.

4. *Boix* C. *Democracy and Redistribution.* Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 264 p.

5. Boix C. and Stokes S. Endogenous Democratization // World Politics. 2003. № 55. P. 517–549.

6. *Epstein D., Bates R., Goldstone J., Kristensen I.* and *O'Halloran Sh*. Democratic Transitions // American Journal of Political Science. 2006. № 50. P. 551–569.

7. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

8. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.

9. *Inglehart R*. and *Welzel Ch*. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

10. *Lerner D*. The Passing of Traditional Society. New York: Free Press, 1958. 215 p.

11. *Lipset S.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review, 1959. №.53 (March). P. 69–105.

12. *Lipset S*. Political Man. The Social Bases of Politics. New York: Doubleday, 1960. 432 p.

13. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Beacon Press, 1966. 592 p.

14. *Przeworski A*. and *Limongi F.* Modernization: Theories and Facts. World Politics, 1997. №.49. P. 155–183.

15. *Przeworski A., Cheibub J., Alvarez M., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 336 p.

16. *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 179 p.

17. *Rueschemeyer D., Stephens E.* and *Stephens J*. Capitalist Development and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 398 p.

18. *Sirowy L*. and *Inkeles A*. The Effects of Democracy on Economic Growth and Inequality: A Review // Comparative International Development. 1990. № 25. P. 126–157.

19. *Welzel Ch*. and *Inglehart R*. The Role of Ordinary People in Democratization. Journal of Democracy. 2008. № 19(1). P. 126–140.

А. Р. Кетов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В статье исследуются научные подходы к выделению политического экстремизма, анализируется роль данного явления, характерная для стран, декларирующих свою приверженность основным принципам современного парламентаризма. Автор показывает взаимозависимость экстремизма и различных форм парламентской демократии, трудности, возникающие при построении модели политического экстремизма, отличной от